Параджанов С.

16.11.91

ДИТЯ

Сергей Параджанов: в жизни, как в кино

Независимая газета.-1991.-16 ноября.-С.7.

О Сергее Параджанове нельзя говорить только всерьез или, наоборот, рассказывать одни лишь бесконечные смешные байки. Искусствоведческие «выкладки» вперемежку с забавными историями под хохот присутствующих — только таким и мог получиться «круглый стол», посвященный творчеству этого гениального человека. Во встрече приняли участие люди, много лет знавшие Сергея Иосифовича и работавшие с ним,— кинорежиссеры Василий Катанян, Елена Лунина, Александр Зельдович, искусствовед Нонна Степанян, киновед Мирон Черненко, ассистент Параджанова Александр Атанесян. Творчество Параджанова, несомненно, еще будет осмыслено киноведами. Сегодня же необходимо сохранить то, что помнят близкие ему люди,— иначе эти бесценные свидетельства жизни художника будут утеряны навсегда. Встреча организована «НГ» совместно с Фондом имени Сергея Параджанова и его директором Ефимом Левиным, а также при помощи главы музея Киноцентра Наума Клеймана.

Сергей Параджанов. *Фото Игоря Гневашева.*

Портрет

АЛЕКСАНДР Атанесян. Первые материалы, которые вышли о Сереже Параджанове и о его кино, — две статьи: Лотмана и Черненко. Я бы хотел, чтобы Мирон Маркович рассказал, как он рискнул в то время написать эту статью. Тогда ведь еще никто не писал о нем в СССР (после пятнадцатилетнего перерыва).

Мирон Черненко. Параджанов меня не запомнил, потому что, когда я попал к нему в первый раз в дом (это было в Киеве), я испугался. Я только-только вышел из глубокой провинции — из Госфильмофонда, где мы были замкнуты на себе. Я приехал в Киев, и один «очень руководящий» молодой комсомолец, с которым я когда-то вместе учился, сказал мне: «Я тебя вечером поведу в один дом. Только ты смотри, в этом доме надо вести себя очень осторожно, потому что там и те, кто говорит, очень опасные люди, и те, кто молчит, тоже очень опасные люди». Я пришел в дом к Параджанову и не знал, что делать — то ли много говорить, то ли, наоборот, молчать весь вечер. А потом я принял участие в очень странном издательском мероприятии. Когда Параджанова посадили в первый, «главный», раз, об этом знали в СССР, но еще не знали в Польше, и поэтому большой друг Сергея Януш Газда успел почти через год после параджановского ареста издать номер своего журнала «Фильмова культура» со всеми сценариями, рисунками Параджанова, с кадрами из «Киевских фресок». И я помню, что привез из Варшавы полный чемодан номеров этого журнала и раздавал его всем, чтобы, кто сможет, переслал его Параджанову. Но до него, естественно, не добрался ни один из этих номеров. И он получил журнал, когда вышел из тюрьмы. С моей точки зрения, ничего более удивительного в нашем федеративном, или, точнее, конфедеративном кинематографе, чем то, что делал Параджанов, не было.

Елена Лунина. Последние пять лет, приезжая в Москву, он жил в моем доме. Утром, например, он просыпается и тут же говорит: «Ты знаешь, я всю ночь не спал, я плакал. Я проиграл весь фильм, всю «Исповедь». Последние пять лет были для него бесконечной исповедью — в моем доме звучали его постоянные монологи. В веселом, грустном, страшном настроении. Даже в безумном. Но в основном, конечно, юмор не покидал его. Даже после операции. Когда я прочитала сценарий «Исповеди», спросила: «А где же исповедь, Сережа?» (Он просил меня сделать режиссерский сценарий: «Что тебе стоит — расчеркай».) Исповедь оказалась изобразительной — именно это меня и поразило. Исповедь совершенно не защищенного человека. Никем и ничем не защищенного.

Нонна Степанян. Но он был и иным. Для меня все встречи с Сергеем на протяжении 15—20 лет окрашивались в особые тона театрализации, особого действа, в которое он всасывал всех своих знакомых. Он сам творил свою биографию и умел это делать. И мы были в этом игровом пространстве счастливы. Но если говорить как о художнике, я думаю, Параджанов занимает исключительное место в ряду рисующих режиссеров, часто даже с профессиональным образованием. Акимов, Охлопков, Эйзенштейн, Юткевич были художниками. Но, я думаю, только Сереже удалось в этом не своем, казалось бы, деле не остаться просто рисующим режиссером, а произнести глубоко личное, свое. Вспомните, когда мы входим в его квартиру, в этот квазидворец беженца-шаха, где от плинтуса до потолка все было завешено чем-то по-особому сделанным,— мы видим рухлядь с помойки рядом с породистыми вещами. Ампирный комод не воспринимался как антиквариат, потому что над ним зияла дыра в потолке. Все это создавало, если хотите, катакомбное искусство. Причем его объект особый — концептуальный, в котором каждый привычный обломок, мусор обретают новый смысл в этом маленьком пространстве, на малой сцене. Мне кажется важным, что он умел соединить все искусства в пространстве своей комнаты, как в своей душе, если считать жилье отражением души. Я думаю, не случайно, что именно он будет иметь музей — там есть что показать. А у каждого из знавших Параджанова свой музей памяти из смешных или обидных случаев. Мы же все на него дулись! Он так любил, чтобы все были «на проводе», устраивал бесконечные «люблю — не люблю», «ссорюсь — обожаю», «послал записку — разорвал записку». Это его жизнь. И сам он в тряпье, но сверху накинет какой-то специально сделанный плащ — он уверен, что это плащ дожа, что он похож на дожа, и в этом принимает гостей — кого любит и кого считает значительным. Очень много смешного было в его представлении о том, кто значительный, а кто — нет. В нем было много детского, причем такого... пятилетнего. Любимая фраза Сережи: «Пиросмани умер под лестницей, а чем мы хуже?». Это была, на мой взгляд, очень опасная фраза, потому что она была программной в духе начала века. Интересно, что все впечатления начала века были как будто его личными, хотя были получены через родителей.

Александр Атанесян. Он принимал Майю Плисецкую. Нас всех заставил пойти на базар. Мы сказали — достаточно одного. Нет, все! То есть я, бывший тогда его ассистентом, покойный Алик Джанышев, его племянник и художник на картине, и еще два ассистента. Сережа сообщил: «Майю мы заводим в основную комнату, потом заводим в Анькину комнату, счастье, что Аньки нет (это сестра Параджанова), а там ее будет ждать обнаженный Юра Мгуян». (Зритель знает его по фильму «Ашик-Кериб»). Майя опоздала на 4 часа. А Юра стоял в набедренной повязке с пирожным в руке. И когда Майя вошла в комнату, первое, что она увидела — умирающий от голода Юра доедает пирожное.

Каждый прием какой-либо значительной личности был связан с казусами.

Он ждал Тонино Гуэрра. А у дома Сережи было два входа. Один с улицы, другой — через двор. И вот он заставил нас сделать из картона большой корабль, на нем написал «Виво, Тонино!», под ним повесил огромный ковер, на котором была лента с надписью «Корабль идет», развесил нарисованные им портреты Феллини, каких-то клоунов и кадров из «Амаркорда» и «Корабль идет», выставил нас на балконе, соответственно всех одев. Когда мы уже устали там стоять, выяснилось, что Тонино давно зашел со стороны улицы. Сережа не мог успокоиться: «Тонино, ты что, сошел с ума? Мы тебя здесь ждем!» Гуэрра спросил: «А что я должен делать?»—«Выйди, вернись и войди, где надо — со двора».

Очень трудно было понять, где у Сережи мистификация, а где реальная жизнь. Он был удивительно сентиментален и плакал по любому поводу. Он плакал, когда смотрел свои фильмы — всегда. Когда смотрел на своих героев. Когда делал костюмы. Когда читал о себе и не столько потому, что ему нравилось о себе читать, сколько потому, что он вспоминал свои фильмы. В работе это был удивительный человек. У нас был потрясающий эпизод во время съемок. Мы снимали базар в Стамбуле в фильме «Легенда о Сурамской крепости». Сережа утверждал, что это XIV век, хотя совершенно непонятно исторически, какой это век и Стамбул ли это. Но можете себе представить: огромный базар, который снимался в Баку в армянском караван-сарае. Вся группа по различным причинам не разговаривает с Параджановым. Додо Абашидзе за то, что застал его за поеданием осетрины в одиночестве. Директор, потому что Параджанов написал на него шесть доносов. Я, потому что Сережа меня обвинил: «Ты не уследил, у меня агенты ЦРУ украли паспорт». Художник Алик Джанышев, потому что упал человек с декораций и Параджанов сказал: «Алика надо честно посадить в тюрьму».

Так вот, мы с ним в ссоре, и Алик мне говорит: «Шура, давай сделаем все так, чтобы ему не к чему было придраться». И мы за два часа готовим чудовищный по освоению объект. Это: одеть 400 человек массовки, 12 героев, подготовить 8 черных и 8 белых лошадей, 4 верблюдов, 5 ишаков, 2 мулов, обнаженных невольниц и весь реквизит базара в Стамбуле.

Так вот, Сережа заявил нам: «Я приду в два часа — чтобы все было готово. Я кричу: «Мотор!» Поняли?». Поняли — готовим весь объект идеально. За пятнадцать минут до начала съемок приходит Параджанов, садится задом наперед на стуле: «Ну что, бездари, объект готов?»—«Готов». — «Да?! Где 400 человек массовки?»—«Вот, и резерв еще 50». — «Все одеты? А ну, иди сюда, грим проверю». И грим есть. «Где сто килограммов лимонов?» — «Есть». — «Где китайские вазы, где ковры, оружие, лошади, верблюды?»— «Все есть!» — «Где Эльбрус?» Мы долго искали Эльбрус, пока Додо Абашидзе не сказал: «Я готов». И оператор Клименко говорит: «Мы готовы». Это совершенно добило Параджанова, но он еще не сдавался: «А где фураж для скота?» — «Вот — сено, овес». Опять ехидно прищурился: «А где человек, который навоз за скотом убирать будет?» Подходит усатый дворник: «Я буду». Параджанов: «Так, значит, все сделали?.. Тогда снимайте сами — зачем я вам нужен?» И ушел с площадки. На другой день не было массовки, Эльбрус был не одет, операторы не готовы. Был час крику-визгу, и съемка проведена. Все это мне понятно — был простор для творчества. Но есть эпизод, так и оставшийся загадкой. Параджанов на моих глазах умирал четыре раза. И я до последнего дня не верил в смерть, думал — опять играет, придуривается. Потому что я приходил к нему за три-четыре дня перед тем, как его увезли в совсем плохом состоянии в Ереван, и он мне сказал: «Я умираю!». Потом открыл один глаз: «У твоей жены новая шуба, да? Повесь ее здесь». А в Баку он умирал следующим образом. Естественно, мы в ссоре, не разговариваем, Сережа передает все команды через Манану Бараташвили, и вдруг в моем номере в семь утра раздается звонок: «Шурик, поднимись ко мне, я умираю». Я решил, что он ищет повод для примирения, и довольно лениво пошел к нему. А он лежит зеленого цвета, пульс чудовищный, глаза мутные. Вызываю «скорую», бужу группу. Врачи говорят: «Кома! Срочно в больницу». Кидают его в «скорую», Манана отодвигает меня и уезжает с ним. Возвращается через сорок минут: «Это катастрофа, он идиот. Он, оказывается, хотел пить, развел ночью две банки сгущенки в кувшине и выпил. А у него диабет. Доктор сказал, что минимум месяц в больнице, если выживет». Ему вставили капельницу и катетер, Сережа лежит почти бездыханный. Манана, поговорив со мной, пошла звонить на «Грузияфильм»: продолжать ли съемки? Съемки отменили. Группу отпустили гулять, я сижу в вестибюле гостиницы, и две девушки с бакинской студии спрашивают: «В чем дело?» Я им рассказываю о том, что было утром. И вдруг одна из них говорит: «Ладно трепаться. Вон Параджанов!» В это время с почты возвращается Манана, и мы бежим к нему в номер. Дверь заперта. А там в номерах старые замки, еще с замочной скважиной. И мы видим в нее локоть Параджанова. Он что-то делает. Мы начинаем стучать, Манана кричит: «Серж, открой!» Оттуда мычание. Я говорю: «Он вешается! Я буду выламывать дверь». И вдруг из-за нее ясный голос: «Не открою». Но потом все-таки открыл. Вижу, что-то держит за спиной: «Что вам нужно? Я почувствовал себя хорошо и ушел из больницы», — «А почему ты не открывал?» Он начинает пятиться: «Потому что вы отнимаете у меня пахлаву». По дороге из больницы он украл в ларьке целую коробку этого лакомства и не открывал нам, пока все не съел. Потом мы отняли у него остатки пахлавы и хотели уложить в постель. Честно говоря, думали, у него и с головой что-то не в порядке. Но Сережа закричал: «Сволочи! Вы специально засунули меня в больницу, чтобы отменить съемку!» И тут же мне заявляет: «Садись, я диктую донос». И писал очередной донос на Додо, на меня, на Манану, назло отменивших съемку. Это рассказывать смешно, но тогда было страшно. Кровь на руках, синяк от капельницы, глаза мутные.

Александр Зельдович. Шура заставляет вспоминать самое личное о Параджанове. Для меня «театр первой встречи с Параджановым» начался, когда я только снял дипломный фильм. Мы с приятелем долго искали улицу и дом, звонили в какую-то полузаколоченную дверь. Наконец, она открылась, и вышел босой, бородатый и очень подозрительный молодой человек — это был Шура Атанесян. На стенке висели медальки на библейские темы. Выяснилось, что, когда Сережа сидел в тюрьме, у него не было под рукой «фактуры», как он объяснил, и он давил иголкой барельефы на крышечках из-под бутылок с молоком. Это было очень красиво... Все наши встречи сопровождались какими-то демонстрациями, подарками. Помню, как в другой раз нашел его в какой-то убогой гостинице на Дмитровском шоссе, в номере с облезшими обоями. Он лежал на диване, а кругом были мешки с какой-то мурой, которую он вывез из Штатов. Он вытряхнул гигантскую целлофановую сумку, полную старых, грязных галстуков, и велел из этих «потрясающих вещей» выбрать себе подарок. Этот галстук до сих пор у меня лежит. Вокруг него масса сказок, апокрифов и устных сказаний. Его творчество в очень большой степени состояло из этого — из создания живой истории вокруг себя.

Если же говорить о нем уже не как о явлении жизни, а только искусства — он нечто, особняком стоящее. В наших традициях искусство всегда обличено чрезмерной серьезностью, оно окружено ею. А Сережа был по-хорошему предельно несерьезен. Он был шут в прекрасном смысле этого слова. Он и жил так, вел себя так, постоянно провоцируя окружающих и саму жизнь. И ни во что принципиально никоим образом не хотел вписываться. Он был очень праздничным, что никак не получалось в той ситуации и в той стране, где он жил. Где он сидел. Потому что она совершенно не создана для такого рода веселых провокаций. Наша страна создана для других провокаций, в которых Параджанов и оказывался все время. А он создавал праздник и фильмами, и всем, что делал.

Василий Катанян. Правильно говорит Шурик, когда собираются несколько человек, знавшие Параджанова, немедленно разговор заходит о нем. Хотя сейчас из него сделали патриарха. А он другой. Сегодня двум угнетаемым при жизни — Тарковскому и Параджанову — воздали наконец должное. А я вспоминаю, как они оба приходили ко мне. Ничего классического не было — сидели, пили чай, болтали. Сережа шпынял меня, чтобы я разогрел котлеты, я их подал холодными. Друг перед другом не играли, просто смотрели монографию Леже, которую оба видели впервые. Андрей через месяц собирался в Италию, откуда не вернулся, и он сказал: «Сережа, я не богат, но мне очень хочется, чтобы тебе осталось от нас что-нибудь на память». И подарил небольшой золотой перстень с зеленым камнем. Сережа прослезился. А через несколько дней он начал говорить, что кольцо Тарковского приносит ему несчастье, оно «с дурным глазом». Я ответил: «Сережа, побойся бога, человек, уезжая, подарил тебе от чистого сердца единственную свою драгоценность!» А Сережа очень любил торговать дорогими вещами — ему нравилась пена вокруг процесса продажи. У меня есть открытка от него из Тбилиси: «Окончательно надо продать кольцо Тарковского, оно приносит несчастье». Страшно хотелось продать какую-то драгоценность, так вот он напридумывал несчастий.

Когда же его посадили, он начал городить несусветное. Например: «Вы опечатали мою комнату. А вы знаете, какие там реликвии? Там палка, которой я открываю занавески, — так это посох Ивана Грозного. Там чемодан Маяковского. А ведь там сырость...» Так в протоколе и записано. Следователи вскрыли комнату, увидели, что все это бузня...

М. Черненко. Это чемодан с рогами? Голова оленя?

В. Катанян. Нет, оленя он сделал из чемодана Коры Церетели... том он сделал золотое кольцо, не знаю как, внутри которого вырезал «Л.Ю.Б.». Такое кольцо Маяковский подарил Лиле Брик, и оно лежит в Литературном музее. И это кольцо, по-моему, он продал многим: «Вот кольцо, которое Маяковский подарил Лиле Брик, а она мне!» С биографией, которую он творил, нужно быть очень внимательными.

То, что он все время играл и творил бесконечно в жизни, — это, конечно, от связанных рук и невозможности работать. Он все время играл. Как дитя. Как гений.

«Круглый стол» подготовила и провела Елена БОЛДЫРЕВА

ЕГО СТИЛЬ

Параджанов на премьере «Ашик-Кериба»

22 ЯНВАРЯ 1989 года Сергей Параджанов выступил в Москве перед солидной аудиторией Центрального Дома кинематографистов на премьере «Ашик-Кериба» (по Лермонтову). Несколько фрагментов из его выступления:

— ...Еще не было удачной экранизации Лермонтова. Не везет. Бурляев сыграл не Лермонтова, а Д'Артаньяна. А все потому, что играть ему надо было 14 лет назад и что себя он любит сильнее, чем Лермонтова!

...«Ашик-Керибу» дали кривоногого еврейчика по имени «Оскар», плохо сделанного скульптором (на самом деле фильм был награжден «Феликсом» — европейским «Оскаром»). Причем дали художникам, а в фильме-то ни одной декорации, нет ничего на гвоздях. Ну да ладно, на студии довольны...

...Когда я был маленьким, в дом постоянно врывались Варламы (имя злодея из фильма Абуладзе «Покаяние». — Прим. ред.). Мама вынимала из ушей алмазы, и меня заставляли их глотать. После этого меня не пускали в школу, и так как мне туда не хотелось, я все пытался задержать алмазы в себе. Отец ругался и говорил, что, побывав у меня внутри, алмазы портятся, приобретая желтоватый цвет.

...Вероятно, это будет мой последний фильм. (Хотя предлагают экранизировать «Слово о полку Игореве».) Немцы предлагают «Фауста». Американцы — «Песнь о Гайавате». В Америке уже работают русские режиссеры, да, видно, они им не нравятся, хотят другого, что ли...

Последний срок в колонии был самый страшный. Уголовники, кстати, не понимали слова «режиссер» и называли меня «композитор». После освобождения дал подписку оповещать, кто у меня ночует дома. А теперь я «человек двора» и даже за границу выезжаю свободно. Первый раз ко мне сдуру приставили двоих, теперь выпускают одного. Поняли: не останусь. В Штаты на 5 дней государство дало 22 доллара, а оператору — 23. Я решил: раз больше—значит, настучит. А он говорит: нет, я просто моложе, у меня еще есть потребность в резиновых изделиях. Значит, другой стучал...

...Америку нам не догнать никогда. Только и видел, как негры выбрасывают недоеденные бананы, провожая взглядом траекторию. За 5 дней видел в США только негров, евреев и армян. Так и не понял: кто же, собственно, американцы, кто строил эти потрясающие небоскребы? Это же горы!..

...Коллекцию (шляпы, поделки) начал в тюрьме. Выставки: Нью-Йорк, Лондон, Лиссабон... Москва? Нет, все равно не поймете. Вы на другом воспитаны. Если бы еще Андрей (Тарковский. — Прим. ред.) вернулся... Он бы понял! Я — за перенесение праха Тарковского. Как увидел, где он лежит: с одной стороны — Врангель, с другой — сто кадетов. Все — имена. На могиле Тарковского я оставил алмазное ожерелье. Хотел присыпать землей, а после решил: никто не возьмет, не поверит, что настоящее (Правда? Выдумка? Какая, в сущности, разница! — Прим. ред.)

...Приезжаю за границу, а там все про Горбачева спрашивают. Я же все чаще представляю, как он выбегает из Кремля и «...Карету мне!» Горбачев — Чацкий. Его бы перенести из Кремля в Малый — он бы Чацкого лучше сыграл, чем Царева. У Чацкого должны быть длинные прямые ноги, и у него как раз такие, а у Царева были кривые. А декламация у Горбачева получше. Говорят: а пятно? А что пятно? У актрисы N. (он назвал имя. — Прим. ред.) нос синий, сосуды близко к коже, так грим делает это незаметным, хотя наносить его сложно, так как глаза близко поставлены. Или фильм: Кремль — Ельцин, Горбачев — Гамлет. А Раз? Нет, не Офелия — Корделия! Дочь Лира, разделившая его страдания!

РЕЧЬ тов. Параджанова с ее неожиданными переходами и поворотами была выслушана собравшимися вежливо и несколько настороженно.

Я же думал о том, что он действительно, наверное, самый смелый и свободный человек. Он не боялся выглядеть сумасшедшим. То есть он не прятался за сумасшествие (как прячутся, чтобы говорить правду), он выглядел ненормальным, потому что ему было наплевать на то, как принято выглядеть и говорить. Он что хотел, то и говорил. Именно поэтому его очень хотелось слушать.

Ю. Г.